

16+

Виктор ДЬЯКОВ

ЧУЖАЯ ПРАВДА

повесть

Виктор Дьяков

Чужая правда

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Дьяков В. Е.

Чужая правда / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2001

Первый постсоветский 1992 год. Северный Кавказ, бывшая казачья станица, куда после гражданской войны заселили красноармейцев. С тех пор население перемешалось, но с развалом Союза в станице вновь стало модно делиться на "казаков" и "красноармейцев". Казалось, назревает раскол... Но вдруг возникло обстоятельство, неожиданно сплотившее "красных" и "белых". Оным оказались несколько семей беженцев-армян, купивших в станице пустующие дома...

© Дьяков В. Е., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

1	6
2	10
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ЧУЖАЯ ПРАВДА
повесть

1

Август 1992 года. Большая станица в объятиях исходящего от земли мягким теплом голубовато-серого марева. Солнце заметно склонилось на заход и его жар потерял дневную силу, чему в немалой степени способствовали набежавшие к вечеру бледные перистые облачка. Клёкот, стрёкот, кудахтание, гусиный гогот, автомобильно-мотоциклетный гул... лошадиный храп, ржание. Давно уже в станице не видели столько всадников...

А верховые, да разве это?... Увы, не те, совсем не те это казаки, даже сомнение берёт, есть ли вообще родство-то. Не могут даже правнуки так розниться от своих прародителей. А эти... скорее ряженые: солдатские и офицерские фуражки с содранными кокардами, черкески – смех один, как на Никулине в "Кавказской пленнице". Лампасы... кто на офицерские галифе поверх канта пришил, кто так прямо на солдатские дембельские брюки, или обычные сатиновые шаровары пришпандорил. Слава Богу, что джинсы и тренировочные штаны не использовали. Но скачут по центральной станичной улице на неосёдланных, неприглядных колхозных труженицах, многие под "мухой". Пускают рысью... галоп, не говоря уж о намёте, на грани возможного для таких кляч... разгоняют попадающуюся на пути домашнюю птицу, тревожат прохожих и шоферов, красуются перед девками, блажат – как же, возрождение традиций...

Точный возраст рослого, сухощавого мужчины, опирающегося на крепкую палку и шествующего с неспешным достоинством, определить было довольно сложно. Разве что расплывчатое, пожилой, в какой-то степени определяло те границы. С одной стороны, прямая фигура и уверенная посадка головы, острый, не потерявший интереса ко всему творящемуся вокруг взгляд... с другой – морщинистые, в старческих складках лицо, шея, кожа нездорового красновато-медного оттенка. Несомненно, человеку наблюдательному в какой-то степени могли помочь волосы, их состояние, цвет, количество. Но мужчина был в светло-жёлтой летней шляпе и очень коротко подстрижен. Одежда же, в свою очередь, свидетельствовала о том, что он не лишён вкуса: светлые рубашка и брюки, лёгкие туфли – всё подобрано, как и шляпа, по цвету, одно к одному. Даже палка, явно старинной работы, с замысловатой инкрустацией на набалдашнике, соответствовала общему облику. Очевидно, конечно, одно – это идёт представитель местной интеллигенции, причём, скорее всего не номенклатурно-ВеПеШашной выпечки.

По всему, этого интеллигентного вида старика здесь уважали, или в какой-то степени от него зависели. Едва ли не все встречные спешили засвидетельствовать ему своё почтение, и взрослые, и дети, и старики:

– Здравствуйтесь Николай Степанович... Доброго здоровья... С приездом... Как съездили?... Что там нового?...

Молодым старик лишь кивал, ничего не говоря, только пристально-скептически прожигал взором бутафорское облачение рядящихся в казаков парней. От этого взгляда те терялись, спешили отойти, или отъехать прочь... Так же краснели и смущались встречные девицы-студентки, приехавшие к родителям на каникулы. В стремлении выделиться, отдельные из них пытались щеголять в своей речи твёрдым среднерусским "ге", отличным от местного, южного мягкого (то ли "ге", то ли "хе"). Причина же смущение девушек тоже исходила от их одежды. При встрече со стариком они вдруг начинали жутко стесняться своих чрезмерно смелых для здешнего сельско-провинциального глаза одеяний...

Красуются и девчата: колышут соблазнительными прелестями, парней дразнят, на возмущённых старух и стариков снисходительно поглядывают – вы всю свою жизнь в колхозном навозе задарма проковырялись, а мы не хотим как вы, мы пожить хотим пока молодые... А почему бы и в самом деле... если есть, что показать. Это ж не вечно – юность, красота. Успели

девчата отойти к концу каникул от институтских да техникумовских учебных нагрузок, экзаменационных треволнений и чужбинного недоеда, отъелись на обильных родительских хлебах, расцвели согласно возраста. И вот вам... смотрите все, вот мы какие, не хуже всех этих видюшных секс-бомб засушенных, эмануэлей безбёдрых...

Но увидят девушки старика в шляпе, как спотыкнутся, кумачёво заалеют и без того нарумяненные щёчки, друг за дружку прячутся, переминаются высоко оголёнными ногами, втягивают нежные обнажённые животики – неудобно, почему-то именно перед ним стыдно.

– Здравствуйте Николай Степанович!

– Здравствуйте девочки... Катя, Жулина?... Тебя не узнать! Ну, как ты там? Что поступила, учишься знаю, а больше ничего. Всё хотел зайти к твоим, узнать, как там в столице наша лучшая ученица устроилась. Живёшь-то где, надеюсь, не в общежитии... там же, кажется, у вас родственники есть?

С лица серьёзной статной красавицы вот-вот потечёт заграничная косметика, коей она ещё не научилась как следует пользоваться, но намазалась густо в неумёе желания поразить подруг, вчерашних одноклассниц. К старику инстинктивно повернулась вполоборота. Так, видимо, ей казалось, не будет бросаться в глаза слишком глубокий вырез московского пошива сарафана и всё прочее. Но в глазах старика нет присущего пожилым людям осуждения молодости: да в наше время... да разве мы такие были – старость завидует молодости, так было, так будет. Нет, взгляд старика тепло, с пониманием, но без огня, опять же присущего молодости, спокойно скользит по девичьим статям, как бы просто констатируя факт качественной работы природы.

– Ой, вы меня извините, Николай Степанович, сама всё собиралась в школу зайти, да как-то... У меня всё хорошо, я у тёти двоюродной живу, и в университете... – несколько ободрённая понимающим и оправдывающим её взглядом старика (какая школа, будто в восемнадцать лет мало других забот, чтобы золотое время тратить), девушка становится менее скованной и охотно рассказывает о своей новой жизни, студенческом житье-бытье.

Ну что ж, теперь всё ясно. Да, сомнений нет, это ни кто другой, как учитель местной школы. Но почему же и старики и старухи, которых он никак учить не мог, тоже при встрече всячески подчёркивают своё почтение? Впрочем, сам он тоже внимателен и предупредителен со старшими, с ровесниками. Им он не просто кивает, а обязательно останавливается, отвечает:

– Добрый вечер... Вам того же... Спасибо... Вчера шести часовым приехал... Ну, что ж, старая номенклатура ещё сильна, делают вид, что нас в упор не видят...

Совсем уж древним старикам и старухам кланяется, снимает шляпу, и здесь постороннему взору открывается, наконец, редкая седая поросль с некрасивыми, неровными проплешинами.

– Как здоровье Антонина Петровна, что у внуков?...

Он, казалось, не просто всех здесь хорошо знал, но чем-то многим необходим. Ведь не просто так с ним доверительно заговаривали прямо на улице, приглашали в гости, просили совета, жаловались, и, несомненно, многие надеялись на какую-то помощь...

Пирамидальные тополя время от времени шелестели, чуть гнулись вершинами. Это безуспешно пытался сдвинуть тёплую воздушную массу более прохладный горный воздух со стороны далёкой, но иногда, в ясный день отчётливо видимой сплошной стены белых облаков, нависавших над незримой отсюда грядой Большого Кавказского Хребта.

Твёрдо ставя палку в сухую, местами потрескавшуюся почву, старик прошествовал до самого конца станицы. Здесь вплотную к крайним хатам примыкало частично убранное кукурузное поле с застывшим там, где застал конец рабочего дня, комбайном. Вид сиротливо маячившей в поле машины вновь вызвало неудовольствие старика:

– Опять бросил, паразит... Как пить дать, ночью горючку сольют...

Старик махнул рукой, словно отгоняя от себя эту, по всему не главную сейчас для него заботу, и направился к одной из самых неухоженных и неказистых хат. То была словно вросшая в землю невысокая, давно уже не белённая постройка с неровной, в некоторых местах пробитой, поломанной по краям шиферной крышей. Особенно невзрачно смотрелась эта хата в сравнении с большинством прочих домов в станице, как правило, крытых железом, или красной черепицей, стены которых выложены добротным силикатным кирпичём. Такие крепкие зажиточные дома окружал высокий забор, кое у кого даже из бетонных плит, с воротами, и калитками с глазками, в худшем случае палисадник, огороженный крашеным штакетником. С тыла, за скотными дворами примыкали огороды и приусадебные участки, а там, ох уж там...

Юг есть юг, а тут ещё и чернозём, наделённый огромной родящей силой, да и осадки не такая уж редкость – моря недалече. А если и сушь нагрянет, система водоснабжения налажена – огород полить не поле оросить. Яблоки, груши, абрикосы, персики... что ни посади всё взойдёт, заплодоносит, арбузы, дыни, виноград... И вино давили, кто умеет, выдерживая в бочках, в добротных бетонированных подвалах...

Юг не Север. Человеку лучше жить там, где тепло, где при сравнительно небольших усилиях можно получить наибольшую отдачу от своего труда... Хотя, конечно, чёрт его знает, тогда ведь жители тропиков должны жить куда лучше тех же финнов, или норвежцев, да что-то, видимо, не совсем так. Но, тем не менее, земля и климат много значат. Вон разорилась, захирела, разбежалась по городам, потеряла своё значение нечернозёмная русская деревня, когда-то стержень, хребет страны. А Юг нет, устоял. Да что там устоял, укрепился, разбогател, ещё крепче люди за землю зацепились. За такую, конечно, грех не зацепиться. Как только кончилось лихолетье – сталинский грабёж-террор, хрущёвское шутовство-неразбериховка... Эх застой-застой, а ведь с него вновь заматерели южнорусские сёла и станицы. Да и как не заматереть, колхоз колхозом, а всё одно продых людям власть дала и, опять же, природа щедрая помогла. И с одного огорода и усадьбы всего сколь собрать можно, только не ленись. А на своём-то, кто ж ленится? Разве что настоящий лодырь, а таких, несмотря на молву, не так уж и много оказалось.

И ещё один фактор постоянно толкал южан к накопительству, зажиточности. Пример. Ох какой заразительный пример. Рядом, буквально за хребет перевалить, совсем по другому, вроде как и не по-советски, ещё раньше люди жить начали. Для себя, богатеть, начальные капиталы создавать, семейно-клановые, детей не на стройки комсомольские гнать, а устраивать, пропихивать в престижные ВУЗы, вплоть до самых-самых московских: МГИМО, МГУ и всякие прочие ВГИКи... Дальше больше, в министерства, киностудии, московские театры, редакции центральных органов печати, ВНЕШТОРГ... а уж что касается центральных снабженческих и распределительных организаций, тут уж сам Бог, или Аллах велел... Вот так ещё аж с шестидесятых зажили чернявые соседи с южных склонов хребта. Не все конечно, но самые рискованные и предприимчивые, а таковых на Кавказе испокон больше чем где бы то ни было. Зажили для себя, для детей своих, хотя внешне проявляли полную лояльность Советской Власти. Так же вроде бы трудились на предприятиях, в колхозах, выполняли планы, рапортовали, брали повышенные обязательства... всё вроде так же, а вот умудрялись, в отличие от других, при этом богатеть каким-то непостижимым образом. И вот к восьмидесятым годам результат: Грузия – самая зажиточная республика Союза, Тбилиси – самый богатый город, Ереван – сказка из розового туфа... А мы чем хуже? Идут они все со своими пятилетками к такой-то матери, со своими БАМами... Тоже богатеть будем, дома-сказки строить личные, детей не в колхоз, под коров и трактора с детства загонять, а в хорошие ВУЗы пристраивать, если приплатить надо, приплатим, машины покупать будем, вино давить – всё для себя. Почему тем за хребтом можно, а нам нет? Что у них земля лучше, или работают больше нашего? Нет, и земля там с нашим чернозёмом не сравнить, и работают, не больно напрягаются. Так почему им власть позволяет жить лучше? Разве так можно, равенство так равенство...

Как тут отстоять лозунг "всё вокруг колхозное ...", когда рядом, вроде бы в одной стране, а живут по принципу "мой дом – моя крепость", притом куда как лучше живут тех, кто придерживается первого, коммунистического лозунга...

2

Перед хатой, к которой направлялся старик, нет никакого палисадника, ставни на окнах едва держались на проржавевших петлях. Поваленный плетень открывал для всеобщего обозрения огород, вернее то, что когда-то таковым являлось, а сейчас представляло анархическое царство всевозможного сорняка. Хозяйка одной из близлежащих ухоженных хат, ещё не старая, но чрезмерно дородная тётка, явно не доярка, свинарка... следившая за стариком со своего крыльца, разгадала его намерения и тут же, сотрясаясь телом, вылетела со двора и поспешила к соседке.

– Нюр, а Нюр!... Выдь ка, чего скажу, – громко позвала она, не заходя в калитку, опасливо косясь на глухо рычащего цепного пса.

Подруга, успокоив готового вот-вот залиться яростным лаем кобеля, с интересом перегнулась через невысокий забор палисадника.

– Видала, Николай-то Степанович, не успел приехать сразу до армяшек пошкандыбал... – громко зашептала прямо в ухо подруге дородная.

Старик, тем временем, дошёл до хаты, со стороны казавшейся нежилой. С ветхого, прогнившего крыльца на подошедшего недружественно, с тревогой посматривали два черноволосых мальчика, один постарше лет пятнадцати, второй лет десяти.

– Родители дома? – осведомился старик и вытер платком вспотевшую шею. Вроде бы отстранённо спросил, и пот вытирал, как пожилой уставший человек и только, ничего не выдавал и голос, но глаза... Глазами, их выражением, гримасами лица очень тяжело повелевать... Несомненно, старику было крайне неприятно видеть этих нездешнего вида крепких, смуглых мальчиков-здоровячков, как бы сошедших со старого, советских времён рекламного плаката: "пейте томатный сок". Его взгляд, совсем недавно излучавший тепло в направлении некоторых своих бывших учеников, сейчас неприязненно-холоден.

Старший мальчик ответил не сразу. Секунд семь-восемь он настороженно вглядывался в незнакомца, будто оценивая степень опасности, которая может от него исходить. Потом что-то шепнул младшему и тот, пару раз обернувшись, словно получше запоминая гостя, скрылся в доме.

– Мама дома, – наконец ответил старший, не сводя подозрительных глаз со старика, как бы удерживая того на месте, не позволяя пройти в дом.

Из хаты легко, стремительно, и если бы не скрип разошедшихся ступенек крыльца, то и почти бесшумно вышла женщина на первый взгляд не старше тридцати-тридцати двух лет, среднего роста и полноты. Она торопливо вытирала руки о цветастый фартук и так же, как и сыновья, тревожно вглядывалась в гостя. В свою очередь старик, внимательно рассматривал женщину, мать этих, столь неприятных ему крепышей. Одета она была по-домашнему. Далеко не новый, той же расцветки, что и фартук, халат смотрелся на ней великоватым, возможно из-за процесса сравнительно недавнего сильного похудения. О том же говорили осунувшееся лицо и круги под глазами... Вблизи отчётливо виделись седые пряди в её густых, смолистой черноты волосах, и женщина уже смотрелась не менее, чем на тридцать пять. Хотя, конечно, она ещё не достигла того рубежа, сорока-сорока пяти лет, когда обычно многие кавказские женщины вдруг начинают резко дурнеть, быстро превращаясь в неприглядных старух.

Подойдя, женщина с некоторым усилием изобразила почтительность:

– Я слушаю вас.

– Карина Варгановна, если не ошибаюсь? – учтиво приподнял шляпу старик.

– Да... Чем могу быть... ?

– Меня зовут Николай Степанович... эээ,– старик помедлил, будто в чём-то засомневался,– эээ... я директор местной школы.

При этих словах с довольно миловидного, чуть горбоносого лица женщины словно сошла незримая тень, и она откровенно, радостно заулыбалась:

– Ой... проходите пожалуйста... какой гость у нас. А я уже два раза в школу приходила, всё вас застать не могла. Вы же в отъезде были. Завтра вот тоже собиралась... Пожалуйста, осторожнее, здесь крыльцо... доски подгнили... Извините, у нас беспорядок, всё никак убраться не можем.

Настроение матери передалось сыновьям. Младший, услышав кем является старик, уже смотрел на него с естественным детским подобострастием, старший, лицом едва ли не копия матери, тоже несколько оттаял, лишь в бездонной черноте его глаз продолжали тлеть угольки медленно затухающей тревоги. Внутреннее убранство дома красноречиво свидетельствовало о недавнем въезде сюда нынешних хозяев – вещи в основном ещё не распакованы, повсюду ящики, коробка, прямо на выщербленных, давно не крашенных досках пола множество обиходных предметов. Всё указывало на то, что хозяева ещё не успели собрать ни шифоньера, ни какого другого платяного или посудного шкафа. Посуда, одежда... брались прямо из ящиков, в которых перевозились. Именно ящики были пока что здесь основной мебелью, за исключением уже собранных кроватей, пары кресел, да цветного телевизора, состыкованного с импортным видеомagneтофоном. Ящики везде и всюду, во всех трёх маленьких без дверей комнатах, в коридоре и на веранде, и, наверное, сзади, на скотном дворе, где уже давно, несколько лет, после съезда предыдущих хозяев не мычала, не хрюкала, не блеяла никакая скотина. Ящики большие и маленькие, из досок, толстой слоёной фанеры, или просто посылочные, картонные, очень большие упаковки мебели, холодильника... Тут же тюки, баулы, мешки... Всё аккуратно обшито, обвязано.

Со свету, в полутьме комнаты, старик не сразу различил все детали, но безошибочно определил – приехавшие явно не спешили с обустройством, хотя, он это знал точно, приехали не вчера, не позавчера, а полторы недели назад. Что-то их удерживало... От этой догадки он заметно повеселел и взбодрился, на лице через маску официальности проступило какое-то подобие доброжелательности к хозяйке. Телевизор работал, но показывал неважно: изображение сильно "снежило".

– Лучше, наверное, выключить, а то будет мешать, да и показывает плохо... – несколько смущённо обратилась к гостю хозяйка.

Тот молча пожал плечами, как бы говоря, что ему всё равно, но женщина, тем не менее, поспешила щёлкнуть тумблером и погасить экран. На это сразу же отреагировал ещё один член семьи, девочка трёх-четырёх лет, игравшая на маленьком коврикe в узкой нише между ящиками. Своё крайнее недовольство решением матери она выразила громким криком, мгновенно перешедшим в раскатистый плач.

– Ещё раз простите пожалуйста... дети,– в очередной раз виновато проговорила женщина, и тут же не терпящим возражений тоном приказала опёршемуся на дверной проём старшему сыну:

– Варган возьми Анжеллу и идите все во двор!

Мальчик всем обликом выразил неудовольствие тем, что его просто-напросто выгоняют, но возразить не осмелился, прошёл к убежищу сестрёнки, поднял её на руки и понёс из дома.

– Присаживайтесь, прошу вас,– угодливо предложила одно из двух уже распакованных кресел хозяйка, когда дети вышли во двор, вернее туда, где таковой должен был располагаться, и плач девочки уже оттуда трансформировался в её же упругий, залиvistый смех – видимо, братьям быстро удалось её чем-то обрадовать.

Вроде бы не проявляя особого интереса, но в то же время зорко осматриваясь, адаптируясь к недостатку света, гость осторожно присел в указанное кресло.

– В школе с вашим секретарём я говорила, и она мне сказала, что без вас вопрос о моём трудоустройстве никто не решит. Это-то я понимаю, но при чём здесь мои дети? Неужели и для их зачисления необходимо ваше присутствие? И потом, я не пойму, почему нам всем, всем кто с нами приехал, буквально с порога во всём отказывают? В ясли, садик, ту же школу... Никто ничего не хочет решать, все чего-то боятся. Ерунда какая-то. Время идёт, скоро уже первое сентября, – недоумённо вопрошала женщина.

– Да-да, я в курсе, – вновь с какой-то подспудной неловкостью отвечал гость.

– Ну, слава Богу, хоть вы приехали... Я боялась, что задержитесь и ничего здесь не сдвинется... А насчёт меня, вы не беспокойтесь. Вы ведь тоже историк?... Но я ни на какую нагрузку претендовать не буду, мне и нескольких часов хватит, чтобы стаж шёл, сколько дадите, я даже на продлёнке работать готова, только вот классное руководство взять сейчас не смогу. Извините, может, когда дочку в садик пристроим, тогда, но с этим тут такие сложности...

– Карина Вартановна, – нахмурившись и до побеления костяшек пальцев сжав набалдашник палки, словно питаясь от неё какой-то энергией, решительно перебил гость, поборов, наконец, неловкость, – давайте сразу расставим все точки над "и". Видите ли в чём дело, – старик поднял глаза на хозяйку и ощутил прилив тревоги, лёгший на её лицо. – Дело в том, – вздохнув, со значением повторил гость, – что я к вам пришёл не только и не столько как директор школы, сколько как станичный атаман... Я, конечно, не предсельсовета и не председатель колхоза, но, поверьте реальной власти у меня уже сейчас не меньше. А в самом ближайшем будущем атаманская администрация будет единственной властной структурой в станице. И в связи с этим... Поймите меня пожалуйста правильно... Я пришёл именно к вам, как к интеллигентным образованным людям, рассчитывая, конечно, застать и вашего мужа. Он ведь инженер кажется?

– Да работал главным инженером автопредприятия. Он сейчас в отъезде... – женщина отвечала, не выходя из состояния тревожного ожидания.

– Ну, вот тем более. Думаю, он тоже должен понять всю сложность ситуации, в которой мы оказались в связи с вашим неожиданным здесь поселением... Понимаете, тут недоразумение получилось. В сельсовете вам не сказали "нет", потому что они фактически уже не власть, а мой зам тоже проявил непростительную пассивность. В общем, сельсовет, мне кажется, специально создал эту проблему для нас, а вот вы это их ни "да", ни "нет" приняли за эдакое немое согласие на покупку домов и заселение. Очень прискорбно, но вы стали жертвами этой интриги. Надеюсь, вы поймёте ситуацию и растолкуете всё вашим землякам.

Женщина на глазах осунулась ещё больше, заметнее очертились скулы, яснее обозначились ранние морщины – ничто так не старит как горе, неприятности. Ноги её подкосились, и она бессильно присела там где стояла, на ближайший ящик. Её смятение, однако, длилось не долго, считанные секунды. Она заговорила почти вызывающе:

– Я вас не понимаю, Николай Степанович! Что должны понять я и мой муж, что мы должны объяснить тем несчастным, которые, как и мы, потеряли дома, некоторые и всё имущество, трудом нажитое, которые всего лишь хотят найти здесь у вас пристанище для себя и своих детей!?

Женщина говорила по-русски чисто, это был её родной язык, отличало разве что специфическое растягивание некоторых гласных, особенно "а", обычный говор так называемых русскоязычных жителей Кавказа, неславян. Она сразу поняла куда клонит гость, но призвала на помощь то, что ближе её характеру (дети Кавказа – особая стать и кровь), не смиренное вымаливание снисхождения, нет, но напор, агрессию...

Но гость оказался опытен:

– Не надо Карина Вартановна, вы всё прекрасно понимаете, и на психику тоже давить не следует, со мной это не пройдёт. Я вам официально заявляю, что во избежание негативных последствий вы должны уговорить ваших земляков как можно скорее покинуть нашу ста-

ницу... Это в ваших же интересах. Пока ещё тепло, пока ещё, как вы верно заметили, учебный год не начался.

– И это мне говорит педагог, директор школы!?... – женщина почти закричала, за окном мгновенно затихли дети, видимо услышав материнский возглас.

– Вы вправе считать меня кем угодно, бездушным, жестоким, националистом, даже фашистом... как вам угодно, но постарайтесь меня понять. Мне шестьдесят лет, и я давно уже не верю в то лживое братство народов, в эту интернационалистскую белиберду, которой нас потчевали семьдесят лет. Сколько существует мир, столько между нациями идёт то затухая, то вновь вспыхивая, борьба за выталкивание друг друга с лучшей земли. Исходя из этого, я хочу оставить своим детям и внукам не только дом и имущество, но прежде всего эту землю, благословенную, благодатную землю, и обязательно покой, покой на этой земле.

– Извините, но я совсем отказываюсь вас понимать. Какую же опасность мы можем для вас, местных жителей, представлять? Разве шесть семей несчастных беженцев в состоянии... Извините, но вы, наверное, шутите? – саркастически улыбалась женщина.

– В отличие от вас, абсолютному большинству здесь живущих данные опасения не кажутся абсурдными, и мне не хотелось бы сейчас объяснять вам почему. Скорее всего, вы меня не поймёте, ведь мы смотрим на эту проблему с разных, бесконечно далёких друг от друга позиций. Единственно чего я хочу, чтобы вы осознали, что ничего хорошего из вашего решения поселиться здесь, у нас, не выйдет. И пока дело не дошло до крупных эксцессов, я прошу вас уезжайте и уговорите остальных. Они вас послушают, тем более последуют вашему примеру...

3

Парень лет двадцати, роста не слишком большого а, что называется, выше среднего, плечистый, но худощавый, с непропорциональным соотношением длины туловища и ног, заметно в пользу конечностей... Он тоже продвигался к тому же краю станицы. Только в отличие от старика, шествовавшего по улице, парень предпочёл пойти задами огородов. Обходя неровные, кое где поваленные или проломанные плетни, он иногда, как бы с опаской пригибался и оглядывался по сторонам, не желая, оказаться замеченным. В то же время он старался, по мере возможности, выбирать путь почище, ибо одет был совсем не по-сельски: сочно-синие с блеском, с двойной белой полосой по шву спортивные брюки, белоснежная тенниска, короткие рукава которой оставляли открытыми загорелые руки, с не очень объёмной, но весьма рельефной мускулатурой. "Верх" и "низ" тоже «увенчаны» довольно эффектно: ноги в белых на толстой подошве кроссовках, светлорусая, коротко стриженная голова в синей бейсболке индокитайского происхождения, но с обязательным штатовским гербом. Ничуть не походя на местного, так сказать, по "упаковке", он, тем не менее, являлся местным уроженцем.

Характерное повизгивание напильника заставило парня ещё пристальнее вглядываться в глубины огибаемых им садов-огородов. Но за почти сплошной стеной ягодных кустов, плодовых деревьев, бахчево-грядочной растительности, где даже помидорная ботва, подвешенная сверху к специальным металлоконструкциям вытягивалась выше человеческого роста... За всем этим источник того звука разглядеть не представлялось возможным. Пройдя ещё немного, парень понял, что это не соло напильника-одиночки, а самое малое созвучие двух, а то и более инструментов, и доносится дружный лязг вовсе не со стороны огородов, а откуда-то из-за приусадебных участков, засаженных в основном уже выкопанной картошкой. В той стороне располагалась общеколхозная свалка.

Парень пошёл было дальше своей дорогой, но вдруг что-то заставило его изменить маршрут и двинуться на источник назойливого звука. Идти пришлось на свалку, скопище всевозможного мусора: битого кирпича, обрывков бумаги, тряпок, зловонных куч, разлагавшихся облепленных мухами помидор, видимо не принятых по причине низкого качества на заготовительном пункте в райцентре... Тут же всякого рода технический хлам: проржавевшая деформированная кабина от грузовика и прочий металлолом, который был когда-то сенокосилками, конными граблями, большими и малыми плугами, остатками тракторного двигателя... Именно возле разукomплектованного движка с уже почерневшей ржавчиной сосредоточенно орудовали напильниками трое подростков лет четырнадцати-пятнадцати.

– Привет, пацанва! А что это вы тут делаете?– парень, подкравшись незаметно, спрашивал нарочито громко, рассчитывая на испуг "юных умельцев".

Однако эффект превзошёл его ожидания. Мальчишки, до того полностью сконцентрировавшиеся на своих слесарных занятиях, буквально подскочили от неожиданности и растерянно озирались, не видя кто их застукал. Первым оправился самый крепкий из них, голый по пояс, тёмно-коричневый от загара в выцветшей серой кепке и тёмных, с заплатками сатиновых шароварах. Чертыхнувшись, он сжал в руках свой напильник, решительная складка пролегла от угла его крепко сжатого рта вверх – по всему, он на всякий случай приготовился к схватке.

– Вы эт чего... никак в штаны напустили?– широко улыбаясь, парень вышел из-за большой кучи мусора, которую использовал в качестве прикрытия.

– А эт ты...– с заметным облегчением, но в то же время и с некоторым высокомерием произнёс тот, что приготовился к бою.

Своеобразное сходство сразу бросалось в глаза – и у парня, и у мальчишки имелось что-то общее во внешности, но только не в лицах. У двадцатилетнего оно открытое доброжелательное, у пятнадцатилетнего, напротив, флюиды подозрительности, казалось, исходили из каж-

дой черты: не верю, жду подвоха, опасности... И волосы, у обоих примерно одного оттенка, у парня смотрелись какими-то мягкими, так и просящими к ним прикоснуться... у малчишки, это были жёсткие и прямые как солома патлы. И, тем не менее, они являлись родными братьями, о чём, прежде всего, свидетельствовал одинаковый покррой их фигур: младший смотрелся несколько уменьшенной, но совершенно точной копией старшего, такое же непропорциональное соотношение необычно длинных ног и относительно короткого туловища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.